

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.174.6>

Data przesłania artykułu: 22.10.2019

Data akceptacji artykułu: 10.05.2020

SERGEI A. SHUL'TS

Vneštátnyj issledovatel', Rostov-na-Donu, Rossiâ

(Freelance researcher, Rostov-on-Don, Russia)

Наследие М. М. Бахтина: контуры целостности

M. M. Bakhtin's heritage: Contours of integrity

Abstract

The main contours that determine the integrity of Bakhtin's world are disclosed in the article through the interpretation of the development-change of Bakhtin's themes and concepts. Particular attention is paid to the formulation of the problems of methodology by Bakhtin. The term "scientific existence" ("scientific personality") is introduced. Bakhtin worked within the framework of "other science" (his term is from the work *On the Methodology of the Humanities*) and, in his later years (the third period of scientific creativity), post-scientificism. *Non-scientific* and *post-scientific* does not mean that the researcher brings something of his own into the studied text. But they imply such a multifaceted method that invariably refers to different contexts, including the personal context of the translator in his historicity. History with its changes and times, which everyone belongs to — this is the basis of historicity. The most important thing in Bakhtin is the whole history of his human and scientific existence, the history that he understood in the framework of dialogue in the world, which Bakhtin describes as the specific, responsible essence of man.

Keywords: Bakhtin, integrity, fragmentation, methodology, humanities

Dziedzictwo M. M. Bachtina — kontury integralności

Streszczenie

Główne zarysy definiujące integralność świata Bachtina ujawniają się w artykule poprzez interpretację rozwojowo-zmianową tematów i koncepcji badacza. Szczególną uwagę zwraca się na sformułowanie przez Bachtina problemów metodologicznych — między innymi wprowadzenie terminu „istnienie naukowe” („osobowość naukowa”). Bachtin działał w ramach „innej nauki” (termin pochodzi z jego pracy *O metodologii nauk humanistycznych*), a w późniejszych latach (trzeci okres

twórczości naukowej) jako postnaukowiec. „Nienaukowe” i „postnaukowe” wcale nie oznacza, że badacz wnosi coś własnego do badanego tekstu. Implikują za to wieloaspektową metodę, która niezmiennie odwołuje się do różnych kontekstów, w tym do osobistego kontekstu tłumacza w jego historyczności, to jest w swojej uniwersalności. Historia w jej przemianach i czasach, a wszyscy do niej należą, to podstawa uniwersalności. Najważniejsza w kontekście Bachtina jest cała historia jego ludzkiej i naukowej egzystencji — historia, którą pojmował w granicach (i „na granicach”) dialogu w świecie, która opisuje konkretną odpowiedzialną istotę osoby — dialog w świecie.

Słowa kluczowe: Bachtin, integralność, fragmentacja, metodologia, nauki humanistyczne

На первый взгляд, мир Бахтина кажется противоречивым: в нем нет строго симметричной соотнесенности положений и понятий, нет терминологической четкости (терминологический „импрессионизм” часто с метафоричностью, что сам исследователь отмечал в себе). Неблагоприятные условия для научного творчества, почти целиком прошедшего при тоталитаризме, не должны быть названы в качестве основной причины этого. Они могли предопределить лишь внешние формы, но внутренняя динамика развития Бахтина, органика его „фрагментарности” имманентны строю его личности, научной и человеческой. Всей серией своих „фрагментарных” работ Бахтин самоконструирует особую целостность. Н. К. Бонецкая справедливо пишет о пронизывающей все тексты Бахтина единой философской мысли (Бонецкая, 2016).

Кстати, Новалис и Ф. Шлегель жили при вполне благоприятных обстоятельствах, но они также изъяснялись посредством „отрывков”. Никакие реальные условия не вынуждали С. Кьеркегора выпускать свои книги, содержащие несводимые друг к другу взгляды, под чужими именами. А сколько в бумагах В. Дильтея (недооцененного в качестве важнейшего предшественника Бахтина) осталось черновых записей, набросков, вариаций, публикующихся сейчас сразу после корпуса его „канонических” текстов. Несистемность, внесистемность Бахтина — симптом нового способа мышления, нацеленного на преодоление узкого рационализма и „рокового теоретизма”¹ (Бахтин, 2003, с. 28). Нового времени, с их культом системы и девизом „как если бы меня (т. е. самого мыслителя как личности. — С. Ш.) не было” (Там же).

Отчуждение научных построений от личности исследователя, применение сциентистских методов в гуманитаристике (например, структурализм насквозь сциентичен) превращают „выразительное и говорящее бытие”² (Бахтин, 1996, т. 5, с. 8) — сам предмет гуманитаристики — в механизм. Разумеется, Бахтин никогда не имел в виду императив присутствия в научном тексте эмпирического человека — хотя уже давно немало подобного в таком роде прорывается в нынешних исследованиях под флагом якобы следования Бахтину.

¹ *К философии поступка*, 1920–1924.

² *К философским основам гуманитарных наук*, начало 1940-х гг.

Бахтин оценивал личностное начало в гуманитаристике преимущественно в виде проявления „научной личности”. В 1935 г. Э. Гуссерль зафиксировал возникновение „абсолютно нового модуса научности, где находят свое место всякий мыслимый вопрос — о бытии, [...] о так называемой »экзистенции«” (Гуссерль, 1995, с. 326). Упомянув „экзистенцию”, Гуссерль, в параллель к положениям Бахтина, фиксирует самораскрытие личности исследователя в научных текстах, в научном общении в целом — в качестве, добавим, именно „научной личности”, „научной экзистенции”.

Идея экзистенции („отдельного существования”) дополнена у Бахтина качеством диалогической открытости, „персоналистического дуализма” (термин Л. А. Гоготишвили). Хотя Ю. В. Колесниченко, ставя акцент на категории личности у Бахтина (Колесниченко, 2011), именно дуальность личностных начал упускает, сводя Бахтина чуть ли не к монизму. Диалогизм у Бахтина — это и данность (фактичность), и императив (долженствование). При этом „...персонализация ни в коем случае не есть субъективизация (т. е. навязывание своего. — С. Ш.). Предел здесь не я, а я во взаимоотношениях с другими личностями...” (*К методологии гуманитарных наук*, 1940, 1974) (Бахтин, 1979б, с. 370). Диалогизм надпсихологичен (надпсихологистичен), надэтичен, чем близок внепсихологической герменевтике, возникшей после В. Дильтея (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, М. Франк, отчасти П. Рикёр) (ср. Бялостоцки, 2004).

„Фрагментарны” не только отрывочные или неоконченные тексты Бахтина, но также подготовленные им в качестве полноформатных книги. Все эти сочинения апеллируют к трансцендентным им смысловым контекстам, имеющим отношение к близким Бахтину (как „научной экзистенции”) теологическим, филологическим, философским, культурфилософским, эстетическим концепциям.

Понятие „система” — понятие вовсе не в ключе Бахтина, потому что оно подменяет реальное положение дел — собственным представлением, действительную целостность — навязыванием искусственных схем, в которых теряется фактическое наполнение всякой личности и вещи. Хотя Бахтин писал, что личность, как не могущая быть овеществленной, противостоит вещи, но даже к последней он призывал относиться в личностном ключе, видеть в ней личность.

Бахтинское высказывание о „чреватых словом” (Бахтин 1979б, с. 365) взрывает потенциал механистических стратегий и подходов, поскольку появление слова — уже возникновение дуально-персоналистического смысла. Слово всегда лично, т. е. реально, фактично, тактильно: слово через свою направленность на предмет непосредственно отсылает к самому жизненно-историческому миру (см. Шульц, 2018). А смысл — та сфера, где „нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения” (Бахтин 1979б, с. 370).

Поэтому замечание Н. Д. Тмарченко о гуманитариях, стремящихся к осознанию целостности наследия Бахтина и при этом к якобы подмене „целостностью” якобы „действительной системности” Бахтина (Тмарченко, 2011, с. 29), игнорирует основу бахтинского мира, его пафос. Но поиск целостности в данном случае, вопреки структуралистскому тотальному обналичиванию бытия и сущего (т. е. приданию последним не свойственных им функций и недействительных смыслов), походит на „реконструкцию” (Гоготишвили, 1992, с. 116)³. Ведь проблема целостности какого-либо явления — также проблема его интерпретации.

Хорошо известно, что в истоке бахтинской мысли — осознание кризиса Европы эпохи Нового времени. Уже в первой опубликованной работе *Искусство и ответственность* (1919), Бахтин констатирует, что кризис — в том, что мир жизни, мир науки, мир искусства существуют автономно. В качестве объединяющего указанные феномены-миры момента Бахтин называет культуру, хотя имеется в виду экзистенциально-смысловой фон существования индивида. Тут в понятие культуры вкладывается предельно широкий онтически-онтологический смысл. Вывод-императив статьи: „За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней [...] Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности” (Бахтин, 2003, т. 1, с. 5–6).

В финале статьи смысловой „удар” пришелся не столько на „личность”, сколько на „единство” ее „ответственности”, интегрирующее указанные феномены-миры. Безусловно, грамматическая форма „единство моей ответственности” неслучайна, подобрать иную нельзя. Лексема „моей” репрезентирует „я”, чем зафиксирована диалогическая открытость каждого субъекта: „я” — „на посылках” у своей ответственности, ее единства.

Идея „единства ответственности” „я” превышает привычную идею ответственности мыслителя, становясь категорией панфилософизации, вбирающей все отношения личности к самой себе, отношения интересубъективности, отношения личности с Богом, с миром (см. Шульц, 2017, с. 226–243). Истоки панфилософизации — в поздней античности (ценимый Бахтиным „последний римлянин” Боэций с его *Утешением философией*) и в привлекавшей особое бахтинское внимание эпохе Ренессанса (ср. абсолютных апологетов философии Дж. Бруно, Пико дела Мирандола и др.) Именно тогда возникла идея о том, что философия — высшая форма реализации личности, что звание философа наиболее полно воплощает идею человека. Панфилософизация, по нашему мнению, означает распространение длани философии на все сферы человеческой жизни и деятельности, неизменное „просвечива-

³ Тот же удачный термин — в работе Колесниченко, 2011.

ние» философии через все эти сферы, придание всему философского измерения и смысла⁴.

В статье *Искусство и ответственность* возникает принципиальный императив соотнесенности „я” со сферой искусства, предвосхищая философствование Бахтина с неизменным упором на эстетику (философию искусства; термин „философия искусства” в любом случае точнее термина „эстетика”, что отмечал еще Гегель). Диалогизм постулируется Бахтиным во всех сферах жизненно-исторического мира, включая области внешне „неживого” — тексты. Хотя для романтической эстетики всякий текст — вполне „живой”, наделенный самосознанием, что актуально также для Бахтина. „Живость” текста — в оставленных в нем следах „я”, т. е. автора и тех, с кем он был в интерсубъективном контакте (другие „я” и другие тексты). В статье Канаева *Современный витализм* обращено внимание на распространенную в первой половине XX в. (Н. О. Лосский и др.) концепцию, придающую смысл живого даже неорганическому. Таково и бахтинское отношение к тексту: оживотворение, что свидетельствует о постромантической рецепции романтической теории „живости” художественного произведения.

Термин „эстетика” после справедливых инвектив М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера нельзя употреблять в прежнем значении (через выдвигание „чувственного”), однако с новыми коннотациями — допустимо. Так и поступал Бахтин, нередко трансформируя семантику ряда устоявшихся терминов, на что указала Л. Силард (Силард, 2008, с. 201)⁵.

Бахтинский изначальный замысел т. н. „первой” („нравственной”) философии гораздо шире этики. В качестве посленицшевского автора Бахтин знает, что жизнь больше этики. Он универсализирует вопрос о диалоге до уровня экзистенции в ее сцепленности с жизненно-историческим миром. Это делает Бахтина философом в самом полном значении — философом в литературоведении, в лингвистике (хотя он резко критиковал лингвистику, предлагая переход к „металингвистике”, но прекрасно разбирался также непосредственно и в первой — (Алпатов, 2005)) и т. д. На частые упрёки Бахтину со стороны отдельных исследователей в якобы „случайности” его литературоведческой деятельности нельзя не заметить: если литературоведение — „ведение” (постижение, понимание) литературы, то почему „ведение” должно ограничиваться узким реестром подходов, исключающих философию?

„Сплошь ответственная личность” занимает „единое и единственное” место в „событии бытия” (Бахтин, 2003, с. 16). Всякий личностный „поступок” — от мысли до конкретного действия, от научной работы до произведения искусства — происходит в конкретном у каждого „событии бытия”,

⁴ Постулат о неизбежности такого „просвечивания” философии сформулирован также в ценной работе Сурио, 1994.

⁵ Л. Силард приводит в качестве примера отношение Бахтина к терминам З. Фрейда.

неизменно ведущем к смысловому приращению. На основе идеи события-поступка предлагает свою оригинальную целостную трактовку бахтинского наследия Т. В. Щитцова, однако чересчур тотально экстраполируя ее на все сферы (Щитцова 2002).

Существует проблема спорных относительно авторства текстов так называемого „бахтинского круга” 1920-х гг., куда входили П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов, И. И. Канаев и др. Это тексты, участие в создании которых Бахтина, прямое или косвенное, очевидно. Входя в качестве составного „игрового” элемента в бахтинский контекст/интертекст, они не во всем совпадают с личными убеждениями Бахтина, его „научной экзистенцией”. Но их необходимо целиком и полностью учитывать.

Хотя пафос и топика работ Бахтина 1920-х гг. развивается в последующих сочинениях, ранний этап его деятельности (до конца 1920-х гг.) нельзя считать абсолютной точкой отсчета в развитии Бахтина. Не приходится допускать лишь оформление затем Бахтиным уже заранее заданного. На наш взгляд, Бахтин как оригинальный, самобытный, ни на кого не похожий философ/филолог проявил себя скорее с 1930-х гг. — с исследований о романе (в том числе о романном хронотопе в аспекте исторической поэтики, о романе воспитания), а также с работы о Рабле и карнавале.

Если первое издание книги о Достоевском (1929) находится на границе между ранним и последующими периодами, то названные выше тексты (о романном хронотопе в аспекте исторической поэтики, о романе воспитания, о Рабле и карнавале) образуют второй этап бахтинского творчества, продолжающийся примерно до конца 1940-х гг. (до защиты диссертации о Рабле). Примерно с конца 1940-х — начала 1950-х гг. начинается третий, последний, этап — период переосмысления Бахтиным, казалось бы, решенных вопросов, их развития на новом этапе и в новых исторических условиях, период постнаучности. Однако не нужно думать, что в третий период своего научного творчества Бахтин якобы лишь „подводил итоги”: он продолжал развиваться и вновь создал много новых существенных концепций (теория первичных/вторичных речевых жанров, теория текста/произведения, уточнение теории контекста и др.).

Вновь повторим: неправомерна экстраполяция смыслов с раннего периода деятельности Бахтина на последующие. Помимо полной некорректности подобной подмены последующего начальным здесь также возникает неточная трактовка самого начального (т. е. первого периода).

Попробуем взглянуть на ранний этап Бахтина под непредвзятым углом зрения. В работе *Автор и герой в эстетической деятельности* (1920–1924) поставлена проблема диалога автора и героя в качестве равноправных сторон онтически-онтологически укорененной эстетической фантазии „я”-художника как диалога сознаний и диалога имманентного самому сознанию (имеем в виду самосознание). Согласно Бахтину, ярко модель диалога воплощена

в романе — жанре, обращенном к незавершенному настоящему и находящемся с ним в „фамильярном контакте” (*Слово в романе*, 1934–1935 и группа примыкающих работ).

Высшая разновидность диалога описана в книге о Достоевском (1-е издание — 1929; 2-е, существенно переработанное — 1963) и названа полифонией. Полифония и диалог существуют, по Бахтину, целиком в плоскости речи (и также в соотношении с „внутренней речью” субъекта), речевого взаимодействия. Полифония означает равноправие „голосов”, „точек зрения” автора и героя, здесь невозможны случаи господства какой-либо из сторон⁶. Автор, выполняя функцию завершения и оформления героя (тезис из *Автора и героя...*), вместе с тем входит своим „голосом”, кругозором, точкой зрения в кругозор, точку зрения героя (тезис из книги о Достоевском). Отсюда вытекает, что „герой”, в свою очередь, также делает „автора” тем, кто тот есть. И герой, и автор оказываются одновременно и завершенными, и незавершенными, в чем — попытка „примирения” сторон, „примирения” искусства с жизнью.

В полифоническом мире Достоевского на основании отсутствия некоей „определенности”⁷ — согласно логике Бахтина — ощутимы моменты схождения скорее неких „медиумов”, чем личностей. „Медиумы” лишь „пропускают” через себя некую идейную позицию, однако не выражают своего индивидуального отношения к ней или не имеют его. Отсюда возникает вывод о личностной недоволенности и героев, и автора в мире Достоевского.

Еще С. Г. Бочаров справедливо отметил, что первое издание бахтинской книги о Достоевском (1929), как и рассуждения о нем в трактате *Автор и герой в эстетической деятельности*, не являются вполне апологетическими (Бочаров 2004)⁸. В частности, называя героя Достоевского „неискупленным”, Бахтин тем самым обнаруживает отказ писателя „завершить” (эстетически) своего персонажа, т. е. сделать того „очистившимся”, „позитивным”. Таким образом, уже в работах 1920-х годов исследователь провозглашает взаимопереход эстетики и этики⁹; добавим: трактуемых им часто в религиозных, богословских категориях.

⁶ Д. М. Магомедовой точно отмечено, что в семантическое гнездо „полифония” входит синонимическая цепочка других понятий: „контрапункт”, „голос”, „сознание”, „мир”, „кругозор”, „центр”, „индивидуальная воля”, „точка зрения”, „слово” и др. (Магомедова, 1997, с. 166).

⁷ Отсутствие у Достоевского определенности Бахтин называет амбивалентностью. Отсутствие „определенности” в полифонии Достоевского допустимо косвенно описать словами А. А. Ахматовой: „И кто автор, и кто герой...” (Ахматова, 1990, с. 336). Нельзя исключать, что данная реплика появилась в *Поэме без героя* после знакомства Ахматовой с первым изданием книги Бахтина о Достоевском.

⁸ В. В. Здольников справедливо отметил полемичность этой книги. См. Здольников, 2003, с. 21.

⁹ См. Де Микиель, 2001, с. 37.

В *Проблеме речевых жанров* (1952–1953) выдвинута идея о прямой связи разговорно-житейских („первичных”) жанров и жанров художественных („вторичных”). Тем самым признается соположенность искусства и жизни, их взаимодействие. На той же идее (близкой Ренессансу и романтизму) основан бахтинский концепт „творческого хронотопа”, также декларирующий взаимосцепленность искусства и жизни.

От топики духа и души, подводимых под категорию „диалог”, Бахтин переходит к топике тела в качестве иной стороны „я” (главы VII и VIII в „Формах времени и хронотопа в романе”, 1937–1938; первый вариант книги о Рабле, 1940; книга „Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса”, 1965 и др.) Так реализуется намеченное им ранее целостное рассмотрение личности: „история тела в идее человека” (Бахтин, 1979а, с. 58). Тело интерпретируется с помощью концепта „карнавал”.

Карнавал — празднество, уходящее своими корнями в аграрные ритуалы и новогодние торжества средиземноморских народов; имеются параллели во всех культурах (в России это — масленица). По Бахтину, карнавал — особое состояние жизни, когда снимаются официальные установления, когда „сама жизнь играет, а игра на время становится жизнью” (Бахтин, 1990, с. 11). Тело, подобно духу и душе, такой же момент личности, который не охватишь лишь изнутри себя и который нуждается в оформлении со стороны „другого”.

Народ, сливающийся воедино в карнавальной веселье, не делится на зрителей и участников, в „коллективном народном теле” „моя” телесность оформляется, существуя в аспекте „я-для-себя” (изнутри) и в аспекте „я-для-другого” (извне). В карнавале тело с его этически „двусмысленными” моментами, с его физиологией входит в спиритуальную иерархию. Телесный низ символизирует рост, плодородие, жизненную силу. Карнавал в качестве пиршества плоти совершается ради вознесения духа. С. Стерна-Ваховяк в связи с Бахтиным верно отмечает, что „смех необходим как манифестация человечности, жизненной силы” и что „именно карнавал” „является сам по себе абсолют очеловечивания” (Стерна-Ваховяк, 2003, с. 284, 286). При этом бахтинские поиски „очеловечивания” мира недопустимо тесно привязывать лишь к обстоятельствам его времени¹⁰.

Телесность, интерпретированная в аспекте ритуальной праздничности, обретает статус „последней реальности”, задающей смысловые горизонты человеческого существования, их приращение и смену. Истоки понимания себя и мира оказываются не вне человека, а в нем же. Так обеспечивается неразорванность человеческого сознания. Неизбежно соотнесение карнавальной теории Бахтина с построениями Э. Гуссерля о „жизненном мире” как допредикативной подручности, донучно раскрывающей и удостоверя-

¹⁰ Такая „привязка” предложена, например, в работах: Аверинцев, 1993; Clark, Holquist, 1984.

ющей само бытие и М. Мерло-Понти о „феноменальном теле”, „диком Бытии” в качестве видов тактильной топологии, изначально-непосредственно конституирующей акт восприятия мира¹¹.

Карнавал, карнавализованные (серьезно-смеховые) жанры (мениппея, мистерия и др.) сохраняют прямую связь с телесностью. Сам диалогический контекст сближен с нею: „Только благодаря народной культуре современность Гоголя приобщается к »большому времени«”¹² (Бахтин, 2010, с. 520).

Бахтин нередко подчеркивал роль для своего становления Канта и неокантианцев. Однако бахтинское развитие кантовской мысли весьма напоминает не столько о Г. Когене и иных неокантианцах (см. Библер, 1991, с. 9–36; Махлин, 2010, с. 441–461), сколько о М. Хайдеггере (см. Хайдеггер, 1997, с. 108–113). У Хайдеггера и Бахтина кантовская гносеология (в том числе кантовская идея „конструкции” — полусолипсического „создания” предметности, у Ницше переделанная в идею „проектирования”) трактуется в качестве вида онтологии, благодаря чему Кант и неокантианство преодолеваются.

Бахтинская теория диалога — разновидность понимающей онтологии, т. к. описывает конкретное ответственное бытие личности — диалог-в-мире. Однако во всяком диалоге полное (абсолютное) понимание как тождество взглядов невозможно, поскольку это тавтология. Тавтология — не просто повторение того же, а уход от решения вопросов, их консервация в их прежнем состоянии с отказом в обсуждении; тут даже не остановка на месте, но отбрасывание назад. В диалоге „дар” каждого превосходит узкорационалистическую идею якобы „полного понимания” — неизменно мнимого.

Поэтому всегда необходим избыток понимания, которого должно быть больше, чем нужно. Здесь у Бахтина — переинтерпретация кантовского гносеологического дуализма „вещи в себе” и „вещи для себя”. „Вещь в себе” у Канта непознаваема, но ведь и „вещь для себя”, согласно Канту, якобы способная быть познанной, — не откроется механистическому познанию. Отсюда бахтинский императив избытка понимания („прироста”, „обновления”), чем снимается вопрос о „точном”/„полном” познании/постижении.

С тем же императивом избытка понимания соотносена бахтинская идея текста как своего рода монады, стягивающей к себе все остальные тексты данной смысловой сферы (*Проблема текста*, 1959–1960): здесь дело идет об индетерминированном созидании идеалистического/идеаторного диалога текстов в качестве „живых”, „свободных” — что уже в силу своего идеализма отличается от кажущейся сходной теории К. Поппера о „третьем мире” или от заданной Ю. Кристевой теории интертекстуальности, в которой редуцирован бахтинский историзм. Однако сами термины Поппера и Кристевой допустимо применять с новым, уточненным значением.

¹¹ Иногда такие параллели проводятся, но они нуждаются в подробном раскрытии.

¹² *Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)*, 1940, 1970.

Акцентированное Бахтиным „большое время” жизненно-исторического мира — не просто история культуры, а экзистенциальная история в смене ее смыслов, сближенная с концептом „незавершенное настоящее”. В заметках *К методологии гуманитарных наук* указано на „идею мировой целокупности” и на подразумеваемые ею интересубъективные отношения как „спланиваемые” „теплотой” „тайны” (Бахтин, 1979б, с. 361). Идея общей тайны восходит тут к этимологии „символа” в качестве составленного из двух частей феномена: будучи разделенными, они должны вновь сойтись, благодаря чему общая „тайна” и реализуется.

Сам вопрос о „тайне” обращает к мифо-фольклорному контексту, но особенно же — к практике первохристиан, вынужденных скрываться в убежищах и катакомбах¹³. Заметим, у Бахтина дело идет не о разгадке этой „тайны”, а о некоем ее осуществлении в самой ее сокрытости. Налицо теологический, религиозный подтекст суждения о „теплоте” общей „тайны”. Этот подтекст обращает к загадке экзистенциального сакрализованного (через аспект по-христиански тотального признания другого „я”) диалога-в-мире.

Бахтин называет все гуманитарные науки филологическими, поскольку „как часть и в то же время общее для всех них — слово” (Бахтин, 1979б, с. 363). Налицо постулирование филологии не только основой гуманитарных наук, но также признание „филологичности” каждой из них. Отсюда идея взаимоперехода разновидностей науки в не-унитарном единстве гуманитаристики¹⁴. Бахтин уже в ранних работах (тем более в последующих) наметил контуры герменевтики в ее нынешних вариантах, философской антропологии, исторической антропологии, культурной антропологии, нарратологии (через проблему автора и героя), интертекстуальности, даже деконструкции. И после его смерти его труды участвуют в формировании гуманитарной повестки дня, включая непременно вопросы метода.

Не точность, а глубина проникновения объявляется Бахтиным критерием гуманитарных исследований. Это неизбежно соотносено с его вниманием к „самим словам” (по аналогии с „самими вещами” Э. Гуссерля), их внутренней и внешней форме. По выражению О. Мандельштама, „судьей и свидетелем” (Мандельштам, 1991, с. 224) тут будет только сам язык и сама речь в их историческом воплощении через языковую личность, в задаваемом ими смыслопорождении. Во второй половине XX в. Ж. Делёз, также акцентируя роль слов, призвал, напротив, считать критерием поверхностность (Делёз, 1995, с. 23). Цена такого „наоборот” в данном случае совсем невелика.

Когда Бахтин отмечал собственную терминологическую вариативность, он зафиксировал присущую вообще гуманитаристике привилегию — в зависимости от контекста и ракурса быть в словесном воплощении многозначной, но с обязательством ответственности. Эти привилегия и ответствен-

¹³ О роли для Бахтина христианского контекста см. Coates, 2005.

¹⁴ Вновь допустимы параллели к концепту „третьего мира” К. Поппера.

ность взаимообратимы, что выводит к измерению собственно словесного историального движения гуманитаристики — через самодвижение/самораскрытие/саморазвитие непосредственно слов (понятий, концептов, терминов, образов-понятий и т. п.) О подобном перетекании слов точно написал А. В. Михайлов (Михайлов, 2006, с. 264, 310–312). Это момент исторической поэтики культуры и самой жизни. Поскольку жизнь существует в тех или иных формах, и они всякий раз самоценны, т.е. внесистемны, допустимо рассуждать о внесистемной, „поэтике жизни”. К такой постановке вопроса близок В. Дильтей (см. Дильтей, 2001, с. 263–436), а также его современник Аполлон Григорьев, создатель теории „органической критики”, сопологающей искусство и жизнь (см. Шульц, 2013).

Бахтин работал в рамках „инонаучности” (термин из *К методологии...*) и в поздние годы (третий период научного творчества) — постнаучности. Инонаучность и постнаучность вовсе не означают, что исследователь нечто своё привносит в исследуемый текст. Но они подразумевают такую много-составность метода, которая неизменно апеллирует к самым разным контекстам, включая личностный контекст истолкователя в его историчности, т.е. в его общезначимости. История в ее сменах и временении, принадлежность к ней каждого — вот основа общезначимости. Главное у Бахтина говорится всей историей его человеческой и научной экзистенции — историей, осмысленной им в границах (и „на границах”) диалога-в-мире.

Библиография

- Аверинцев, С. С. (1993). Бахтин и русское отношение к смеху. В: *От мифа к литературе. Сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского* (с. 341–345). Москва: РГГУ [Averintsev, S. S. (1993). Bakhtin i russkoyeotnosheniye k smekhu. V: *От мифа к литературе. Сб. в честь 75-letiya Ye. M. Meletinskogo* (s. 341–345). Moskva: RGGU].
- Ахматова, А. А. (1990). Поэма без героя. В: *eadem, Сочинения в 2-х тт.*, т. 1 (с. 319–349). Москва: Правда [Akhmatova, A. A. (1990). „Poema bez geroya”. V: *eadem, Sochineniya v 2-kh tt.*, t. 1 (s. 319–349). Moskva: Pravda].
- Алпатов, В. М. (2005). *Волошинов, Бахтин и лингвистика*. Москва: Языки славянских культур [Alpatov, V. M. (2005). *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur].
- Бахтин, М. М. (1979а). Автор и герой в эстетической деятельности. В: *idem, Эстетика словесного творчества* (с. 7–180). Москва: Искусство [Bakhtin, M. M. (1979а). Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti. V: *idem, Estetika slovesnogo tvorchestva* (s. 7–180). Moskva: Iskusstvo].
- Бахтин, М. М. (1979б). К методологии гуманитарных наук. В: *idem, Эстетика словесного творчества* (с. 361–373). Москва: Искусство [Bakhtin, M. M. (1979b). K metodologii gumanitarnykh nauk. V: *idem, Estetika slovesnogo tvorchestva* (s. 361–373). Moskva: Iskusstvo].
- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. 2-е изд. Москва: Художественная литература [Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo F. Rable*

- i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa*. 2-e izd. Moskva: Khudozhestvennaya literatura].
- Бахтин, М. М. (1996). *Собрание сочинений*, т. 5. Москва: Русские словари [Bakhtin, M. M. (1996). *Sobraniye sochineniy*, t. 5. Moskva: Russkiye slovani].
- Бахтин, М. М. (2003). *Собрание сочинений*, т. 1. Москва: Русские словари; Языки славянской культуры [Bakhtin, M. M. (2003). *Sobraniye sochineniy*, t. 1. Moskva: Russkiye slovani; Yazyki slavyanskoj kul'tury].
- Бахтин, М. М. (2010). *Собрание сочинений*, т. 4 (2). Москва: Языки славянских культур [Bakhtin, M. M. (2010). *Sobraniye sochineniy*, t. 4 (2). Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur].
- Библер, В. С. (1991). *М. М. Бахтин, или Поэтика культуры*. Москва: Гнозис [Bibler, V. S. (1991). *M. M. Bakhtin, ili Poetika kul'tury*. Moskva: Gnozis].
- Бонецкая, Н. К. (2016). *Бахтин глазами метафизика*. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив [Bonetskaya, N. K. (2016). *Bakhtin glazami metafizika*. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ].
- Бочаров, С. Г. (2004). Книга о Достоевском на пути Бахтина. В: *Бахтинский сборник* (с. 281–314). Москва: Языки славянских культур. Вып. 5 [Bocharov, S. G. (2004). Kniga o Dostoyevskom na puti Bakhtina. V: *Bakhtinskiy sbornik* (s. 281–314). Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vyp. 5].
- Бялостоцки, Д. (2004). Разговор — как диалогика, прагматика и герменевтика: Бахтин, Рорти, Гадамер. В: *Бахтинский сборник* (с. 75–87). Москва: Языки славянских культур. Вып. 5 (пер. с польск.) [Byalostotski, D. (2004). Razgovor — kak dialogika, pragmatika i hermenevtika: Bakhtin, Rorti, Gadamer. V: *Bakhtinskiy sbornik* (s. 75–87). Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vyp. 5 (per. s pol'sk.)].
- Гоготишвили, Л. А. (1992). Варианты и инварианты Бахтина, *Вопросы философии*, 1 [Gogotishvili, L. A. (1992). Varianty i invarianty Bakhtina, *Voprosy filosofii*, 1].
- Гуссерль, Э. (1995). Кризис европейского человечества и философия. В: *Культурология. XX век*. Москва: Юристь. (пер. с нем.) [Gusserl', E. (1995). Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya. V: *Kul'turologiya. XX vek*. Moskva: Yurist' (per. s nem.)].
- Делёз, Ж. (1995). *Логика смысла*. Москва: Издательский центр „Академия“. (пер. с фр.) [Deléz, Zh. (1995). *Logika smysla*. Moskva: Izdatel'skiy tsentr „Akademiya“. (per. s fr.)].
- Дильтей, В. (2001). Воображение поэта. Элементы поэтики; Фрагменты „Поэтики“. В: В. Дильтей, *Собр. соч.: В 6 т.*, т. 4 (с. 263–436). Москва: Дом интеллектуальной книги. (пер. с нем.) [Dil'tey, V. (2001). Voobrazheniye poeta. Elementy poetiki; Fragmenty „Poetiki“. V: V. Dil'tey, *Sobr. soch.: V 6 t.*, t. 4 (s. 263–436). Moskva: Dom intellektual'noy knigi (per. s nem.)].
- Здольников, В. В. (2003). Книга Бахтина о Достоевском в контексте литературной борьбы 20-х годов, *Диалог. Карнавал. Хронотоп*, 1–2, с. 5–21 [Zdol'nikov, V. V. (2003). Kniga Bakhtina o Dostoyevskom v kontekste literaturnoy bor'by 20-kh godov, *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1–2, s. 5–21].
- Канаев, И. И. (1993). Современный витализм. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*, 4, с. 99–115 [Kanayev, I. I. (1993). Sovremennuyu vitalizm. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 4, s. 99–115].
- Колесниченко, Ю. В. (2011). Личность как бытие: концепция личности в ранних философских работах М. М. Бахтина, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. 2011. Вып. 4 (36)*, с. 65–79 [Kolesnichenko, Yu. V. (2011). Lichnost' kak bytiye: kontseptsiya lichnosti v rannikh filosofskikh rabotakh M. M. Bakhtina, *Vestnik Pravoslavnoy Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogosloviye. Filosofiya. 2011. Vyp. 4 (36)*, s. 65–79].
- Магомедова, Д. М. (1997). Полифония. В: *Бахтинский тезаурус* (с. 164–174). Москва: РГГУ [Magomedova, D. M. (1997). Polifoniya. V: *Bakhtinskiy tezaurus* (s. 164–174). Moskva: RGGU].

- Мандельштам, О. Э., (1991). *Собрание сочинений в 4-х т.*, Т. 1. Москва: Terra [Mandel'shtam, O. E., (1991). *Sobraniye sochineniy v 4-kh t.*, t. 1. Moskva: Terra].
- Махлин, В. Л. (2010). Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме). В: И. Н. Грифцова, Н. А. Дмитриева (ред.), *Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры* (с. 441—461). Москва: РОССПЭН [Makhlin, V. L. (2010). Bakhtin i neokantianstvo (podstupy k probleme). V: I. N. Griftsova, N. A. Dmitriyeva (red.), *Neokantianstvo nemetskoye i russkoye: mezhdru teoriyey poznaniya i kritikoy kul'tury* (s. 441—461). Moskva: ROSSP·EN].
- Микиель Де, М. (2001). К этике словесного творчества (Вокруг „Проблем творчества Достоевского” Бахтина). *Slavica Tergestina. Trieste, 9*, [Mikiyel' De, M. (2001). K etike slovesnogo tvorchestva (Vokrug „Problem tvorchestva Dostoyevskogo” Bakhtina). *Slavica Tergestina. Trieste, 9*].
- Михайлов, А. В. (2006). Дильтей и его школа. В: *idem, Избранное. Историческая поэтика и герменевтика*. Санкт-Петербург [Mikhaylov, A. V. (2006). Dil'tey i ego shkola. V: *idem, Izbrannoye. Istoricheskaya poetika i germeneytika*. Sankt-Peterburg].
- Силард, Л. (2008). Бытие и язык как проблема первичных и вторичных жанров. В: *Человек как слово. Сб. в честь В. Айрапетяна*. Москва [Silard, L. (2008). Bytiye i yazyk kak problema pervichnykh i vtorichnykh zhanrov. V: *Chelovek kak slovo. Sb. v chest' V. Ayrapetyana*. Moskva].
- Стерна-Ваховяк, С. (2003). Язык смеха, *Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1–2*, с. 280–286 (пер. с польск.) [Sterna-Vakhovyak, S. (2003). Yazyk smekha, *Dialog. Karnaval. Khronotop, 1–2*, s. 280–286 (per. s pol'sk.)].
- Тамарченко, Н. Д. (2011). „Эстетика словесного творчества” Бахтина и русская философско-филологическая традиция. Москва: Изд-во Кулагиной [Tamarchenko, N. D. (2011). „Estetika slovesnogo tvorchestva” Bakhtina i russkaya filosofsko-filologicheskaya traditsiya. Moskva: Izd-vo Kulaginoy].
- Тамарченко, Н. Д. Искусство и философия. *Вопросы философии, 7–8*. (пер. с фр.) [Tamarchenko N. 1994). Iskusstvo i filosofiya, *Voprosy filosofii, 7–8* (per. s fr.)].
- Хайдеггер, М. (1997). *Кант и проблема метафизики*. Москва: Логос. (пер. с нем.) [Khaydegger, M. (1997). *Kant i problema metafiziki*. Moskva: Logos. (per. s nem.)].
- Шульц, С. А. (2013). Гоголь — Аполлон Григорьев — Дильтей. В: *Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Тринадцатые Гоголевские чтения* (с. 272–279). Москва; Новосибирск: Новосибирский издательский дом [Shul'ts, S. A. (2013). Gogol' — Apollon Grigor'yev — Dil'tey. V: *Tvorchestvo Gogolya i russkaya obshchestvennaya mysl'. Trinadtsatyeye Gogolevskiyeye chteniya* (s. 272–279). Moskva; Novosibirsk: Novosibirskiy izdatel'skiy dom].
- Шульц, С. А. (2017). М. М. Бахтин, Р. Ингарден, П. П. Пазолини о категории ответственности, *Slavica Tergestina. Trieste, 19, 2*, с. 226–243 [Shul'ts, S. A. (2017). M. M. Bakhtin, R. Ingarden, P. P. Pazolini o kategorii otvetstvennosti, *Slavica Tergestina. Trieste, 19, 2*, s. 226–243].
- Шульц, С. А. (2018). Стендаль, Пушкин, Гоголь: к метафизике „памятника”. *Вопросы литературы, 1*, с. 87–112 [Shul'ts, S. A. (2018). Stendal', Pushkin, Gogol': k metafizike „pamyatnika”. *Voprosy literatury, 1*, s. 87–112].
- Щитцова, Т. В. (2002). *Событие в философии Бахтина*. Минск: Логвинов [Shchittsova, T. V. (2002). *Sobytiye v filosofii Bakhtina*. Minsk: Logvinov].
- Clark, K., Holquist, M. (1984). *Mikhail Bakhtin*. Cambridge, MA-London: Belknap press of Harvard univ. press.
- Coates, R. (2005). *Christianity in Bakhtin. God and the Exiled Author*. Cambridge, MA: Cambridge univ. press.